Сын Рима

Когда я был маленьким мальчиком, мой отец взял меня в город Рим, чтобы посмотреть на марширующий оркестр.

— Подходов к культивации столько же, сколько и звёзд на небе, — говорил Сократ, его голос был далёким.

Это было моё первое чёткое воспоминание о великом городе. Моё детство было защищённым даже по меркам молодого патриция. Моя мать редко позволяла мне выходить из её поля зрения, таково было её беспокойство, и поэтому в раннем детстве я томился в обществе только членов нашего поместья и нескольких друзей семьи. Долгие годы виноградные сады были всем, что я видел, – до того дня, когда отец взял меня из рук матери и привёл в бьющееся сердце Республики.

Мужчины оркестра были одеты в лучшие наряды легиона – парадные регалии из малиновой ткани и чистой кожи. Они носили нагрудные пластины из полированной бронзы, сверкавшие на солнце, с любовно выгравированными на их поверхности Римскими орлами, а к бёдрам были пристёгнуты церемониальные клинки. Они маршировали гордо и сильно. В идеальной синхронности, как единое целое.

— Если и существует объективно правильный способ к культивации, то нам ещё предстоит его найти.

Некоторые из мужчин несли тимпаны, отбивая руками мелкие барабаны, пока маршировали. Другие несли на плечах длинные, почти круглые кривые латунные корны. Впереди шли центурионы, которых легко было узнать по характерным серебряным шлемам с золотой отделкой и алым гривам. Они маршировали по улицам Рима в каденции, и их музыка не была похожа ни на что, что я когда-либо слышал раньше.

— У каждого культа есть свои методы, как и у всех крупных семей. Есть философские школы, которыми руководят люди, считающие себя мудрыми, и военные школы, которыми руководят люди, знающие, что некоторым добродетелям можно научить только на острие клинка. Практически в любом методе есть свои преимущества и свои недостатки.

До этого дня я никогда не видел городских улиц, не говоря уже об улицах в разгар парада. Сотни людей – тысячи – выстроились на каменных ступенях храмов и бань, на балконах и крышах, и все они напрягались, пытаясь разглядеть марширующих людей. Я был ошеломлён в более чем одном отношении. Люди, музыка, виды, звуки и запахи города – всё они было настолько жёстче всего, что я знал в стенах своего родового поместья.

Всё было таким ярким.

Мой отец поднял меня на сгиб руки, чтобы я мог видеть через толпу. Он указывал на те элементы парада, которые детский глаз не смог бы увидеть самостоятельно, с тихой гордостью рассказывал о том, сколько часов тренировок было затрачено на создание этих простых марширующих колонн. Он объяснил мне закодированные команды, которые отдавали центурионы, и как эти же команды, отработанные здесь, будут служить в легионах для координации действий людей на поле боя. Даже здесь они готовились к войне.

— В общем, то, как человек совершенствует свои добродетели, менее важно, чем то, в чём эти добродетели, собственно, заключаются. Говорят, что самые великие памятники строятся на самом прочном фундаменте. Добродетель и есть этот фундамент – это совершенство души, и оно требует постоянной работы. Вот что такое культивация, безо всех наших горделивых описаний. Совершенствование тела и души.

Больше всего в тот день, когда я наблюдал за легионерами, марширующими по мраморным бульварам, словно на войну, меня поразило то, как они приветствовали моего отца. Каждый мальчик растёт думая о своём отце, как о величайшем человеке в мире, но лишь немногим выпадает честь видеть, как это уважение отражается в глазах других мужчин. В тот день я понял, что мой отец не был тем великим человеком, каким я его всегда считал.

Нет. Наблюдая за тем, как легионеры, центурионы и даже знатные трибуны выходят из своих идеальных рядов, чтобы склонить головы в знак уважения к моему отцу, я понял, что он был ещё более великим человеком, чем я думал.

Капитан, называли они его, хотя сейчас он не носил форму. Это не имело значения. В Риме звание может быть конфисковано. Оно может быть отправлено в отставку или отозвано. Но звание человека никогда нельзя полностью забрать после того, как оно было ему дано. И пусть Цинциннат вернулся домой, чтобы трудиться на своих полях после завершения работы Диктатора, в Риме не было ни единой души, которая осмелилась бы отозваться о нём с меньшим уважением, чем то, которым он пользовался на своём пике.

Мой отец ничем не отличался. И хотя сейчас он не был Капитаном, он был им в прошлом, и он заслужил своё место среди легионеров. И они никогда не забудут об этом, и они никогда не будут относиться к нему иначе. Потому что в конце концов, они знали, что он вернётся. Они знали, что он именно такой тип человека. И в конце концов, они оказались правы.

— Гравитас – это твоя основополагающая добродетель. Римская добродетель.

— Ты знаешь всех этих людей? — спросил я моего отца, удивляясь так, как могут удивляться только маленькие дети. Он усмехнулся.

— Больше, чем ты думаешь, но меньше, чем я должен.

— Но они все знают тебя.

— Не совсем. Они знают обо мне.

— А в чем разница? — спросил я в недоумении. Но он только улыбнулся и продолжил смотреть на марш оркестра.

— В своём разуме ты видишь Рим, — сказал Сократ. — Держи его там и совершенствуй свои размышления. Ты знаешь Рим и своё место в нём. Теперь представь добродетель внутри него. Сердце бьётся в груди, ум обитает в черепе, а кишки голодают в животе. Но что насчёт добродетели?

— Где в Риме находится Гравитас?

Крики народа и марширующие команды центурионов разом стихли. Громовые призывы изогнутых рогов исчезли, словно их никогда и не было. Единственными звуками, оставшимися в Риме, были только удары барабанов и стук марширующих сапог.

— Сын мой, — сказал мой отец, последний голос в Риме, — можешь ли ты видеть, куда они идут?

Темнота подступала к краям моей памяти, она появилась в конце каждого переулка, и люди легионов быстрым шагом шли в эту пустоту. Я протянул к ним руки, испытывая необъяснимый ужас за них, которого, как я знал, не было, когда я проживал эти воспоминания.

— Они идут сражаться с нашими демонами.

— Куда? — спросил я в отчаянии, хотя я уже знал ответ.

— Сюда, — сказал он, показав на моё сердце.

Я смахнул дым костра из глаз, смотря на труп моего отца, лежавший на ложе из разбитых щитов. Воины Пятого собрались вокруг него в мрачном молчании, они тянулись к нему, несмотря на сломанные конечности и избитые тела.

Я смахнул дым со своих слезящихся глаз и посмотрел на сломанный труп волка в форме человека. Вокруг меня стояли, ощетинившись, люди Пятого, а Главная Когорта кипела при виде тварей, сразивших Цезаря. Я поднял сапог и ударил им по черепу демона, раздробив его. Главная Когорта одобрительно зарычала.

Я прищурился сквозь брызги крови, на колеблющиеся точки света в ночном небе надо мной и огляделся в поисках хоть одной Римской души. Я не нашёл их, ни единой – зато я нашёл их трупы. Люди пятого легиона знали, что наша битва была проигрышной, и всё же, каким-то необъяснимым образом они были здесь. Стоя со мной, когда они должны были бежать. Прикрывая мои фланги, когда они должны были сохранять свой строй. Сломанные, разбитые и проклятые.

— Путей к совершенствованию так же много, как и звёзд на небе. Что важно, так это то, что ты знаешь куда ты идёшь. Что имеет значение, так это то, что ты знаешь, зачем ты хочешь туда попасть.

Неважно, кто отомстит за город Рим, до тех пор, пока он отомщён. Я сказал эти слова, не так ли? Я верил в них всем сердцем.

— Культиватор не может продвигаться, если он не знает, к чему он движется. Ты запечатлел Рим в своём сознании, и ты запечатлел Гравитас. Начало и середина твоего пути. Теперь, представь себе конец.

Как будто меня когда-либо удовлетворит такой финал.

Я шёл через поля изломанных трупов, демонов, раздавленных под тяжестью Гравитаса. Я рвал и убивал под тёмными от ворóн небесами. И когда я, наконец, достиг проклятого города Карфаген, я сжёг его дотла.

Я вырвал бьющееся сердце Карфагенского капитана, пока он задыхался в пепле, и насыпал соль в его зияющую рану: «Соль и пепел», — прорычал я голосом более гортанным и нечеловеческим, чем его собственный, и, глядя в его злобные золотые глаза, вгрызся в его сердце. Соль и пепел. Соль и пепел.

— Знаешь ли ты, Солус, почему Африканский засолил город Карфаген после того, как закончил свою работу? — спросил меня мой отец, пока я тащил своё тело через руины их дома с кулаками полными белого минерала. Его нутро было разорванно, его доспехи были смяты. — Знаешь ли ты, почему он сломал все их строения и разбросал их детей?

Там, где мой родной отец был растерзан, мой приёмный отец двигался в тенях – я не знал как он умер, даже сейчас. Но его голос был по-прежнему ясен.

— Он сжёг Карфаген дотла, чтобы выиграть войну. Он засыпал его солью, чтобы на нём больше ничего, никогда не выросло.

Я открыл глаза в поместье покойного кириоса Бушующего Неба, и обнаружил, что весь покрыт копотью и пещерными минералами. Рядом со мной Селена продолжала медитировать с закрытыми глазами, напевая какую-то беззвучную песню.

Сократ наблюдал за мной, сидя напротив в своём гнезде из одеял и шёлка: «Ты знаком с теорией элементов своего мастера, мальчишка?»

— Конечно, — ответил я. Слова прозвучали хрипло. — Воздух, вода, земля, огонь – и эфир.

— И эфир, — повторил он в тихом раздумье. Он хмыкнул. — Четыре земных элемента и четыре свойства, которые объединяются чтобы создать их.

— Горячее, холодное, сухое и влажное, — перечислил я. Мне невероятно сильно хотелось кувшина с водой, но, к сожалению, всё было вылито на пол. Я нахмурился, рассматривая лужи разлитые по комнате. Раньше они были ближе ко мне, разве нет?

— Аристотель утверждает, что как любой материальный предмет на земле можно свести к его составным элементам, так и абстрактные понятия. Принципы, страсти и устремления. Он полагал, что добродетели могут быть выражены в элементарной форме, поскольку они обладают теми же фундаментальными свойствами.

Великий философ положил одну руку на колено, наклонившись вперёд.

— Ты помнишь, какие свойства объединяются в какие элементы, мальчишка?

Я сглотнул и почувствовал вкус копоти от горящей мебели. Я почувствовал привкус минералов, высеченных из каменных стен пещеры.

— Горячее и влажное создают воздух. Влажное и холодное создают воду. Холодное и сухое создают землю. Сухое и горячее…

Я посмотрел на свои руки, покрытые копотью и минеральной пылью. Сухие и горячие. Составные части моей добродетели.

Сократ вздохнул и поднялся на ноги: «Я должен был догадаться. Этот никчёмный мальчишка такой же, как и всегда».

— Всё к чему он прикасается, превращается в огонь.

http://tl.rulate.ru/book/93122/3522438